

УДК 34

МЕМОРИАЛЬНОЕ ПРАВО: ПРОБЛЕМА КОНЦЕПТУАЛИЗАЦИИ И ПРЕДЕЛЫ НОРМАТИВНОГО РЕГУЛИРОВАНИЯ

© 2024 г. А. А. Васильев^{1, *}, Н. В. Кроткова^{2, **}, Ю. А. Зеленин^{1, ***}

¹Алтайский государственный университет, г. Барнаул

²Институт государства и права Российской академии наук, г. Москва

*E-mail: anton_vasiliev@mail.ru

**E-mail: krotkova2012@yandex.ru

***E-mail: uri-zelenin@yandex.ru

Поступила в редакцию 04.09.2024 г.

Аннотация. В настоящей статье проводится междисциплинарное исследование в области пересечения интересов политики памяти и мемориального права, которое включает в себя юридический анализ близких по значению понятий, оценку актуальности и необходимости легализации терминов, связанных с политикой памяти и мемориальным правом, изучение нормативных пределов национального мемориального законодательства. В качестве цели исследования выдвинута концептуализация мемориального права и пределы его правового регулирования. Осуществлен анализ подходов к понятиям «мемориальное право» и «мемориальный закон» и их соотношению; рассматриваются позиции противников и сторонников мемориального законодательства; дается определение мемориального права как межотраслевого института национального законодательства и международного права.

Ключевые слова: мемориальное право, политика памяти, историческая память, историческая правда, предмет правового регулирования, метод правового регулирования, отрасль права, мемориальное законодательство, право на память.

Цитирование: Васильев А.А., Кроткова Н.В., Зеленин Ю.А. Мемориальное право: проблема концептуализации и пределы нормативного регулирования // Государство и право. 2024. № 10. С. 113–122.

Исследование выполнено за счет гранта Российского научного фонда № 24-28-01416 «Мемориальное право и политика памяти: теоретико-правовые аспекты» <https://rscf.ru/project/24-28-01416/>

DOI: 10.31857/S1026945224100107

MEMORIAL LAW: THE PROBLEM OF CONCEPTUALIZATION AND THE LIMITS OF REGULATORY REGULATION

© 2024 A. A. Vasiliev^{1, *}, N. V. Krotkova^{2, **}, Yu. A. Zelenin^{1, ***}

¹Altai State University, Barnaul

²Institute of State and Law of the Russian Academy of Sciences, Moscow

*E-mail: anton_vasiliev@mail.ru

**E-mail: krotkova2012@yandex.ru

***E-mail: uri-zelenin@yandex.ru

Received 04.09.2024

Abstract. This article conducts an interdisciplinary study in the field of the intersection of interests of memory policy and Memorial Law, which includes a legal analysis of concepts similar in meaning, an assessment of the relevance and necessity of legalizing terms related to memory policy and Memorial Law, and a study of the regulatory limits of national memorial legislation. The purpose of the study is the conceptualization of Memorial Law and the limits of its legal regulation. The analysis of approaches to the concepts of “Memorial Law” and “Memorial Law” and their relationship is carried out; the positions of opponents and supporters of memorial legislation are considered; the definition of memorial law as an interdisciplinary institute of national legislation and international law is given.

Key words: Memorial Law, memory policy, historical memory, historical truth, subject of legal regulation, method of legal regulation, branch of law, memorial legislation, right to memory.

For citation: Vasiliev, A.A., Krotkova, N.V., Zelenin, Yu. A. (2024). Memorial Law: the problem of conceptualization and the limits of regulatory regulation // Gosudarstvo i pravo=State and Law, No. 10, pp. 113–122.

The research was carried out at the expense of the grant of the Russian Scientific Foundation No. 24-28-01416 “Memorial Law and memory policy: theoretical and legal aspects” <https://rscf.ru/project/24-28-01416/>

В большинстве стран мира, хотя и в разной степени, отчетливо прослеживается тенденция юридикации пространства культуры, в том числе памяти, т.е. стремление перевести отношение к прошлому в пространство правовых отношений. Кризис легитимности власти в странах Восточной Европы и на постсоветском пространстве, рост конфликтов и напряжения в межгосударственных отношениях ведет к политизации и идеологизации прошлого как дополнительного ресурса для легитимации и удержания власти.

Исследование юридикации памяти носит, безусловно, должен носить междисциплинарный характер. Однако давно назрела потребность целостного и всестороннего правового анализа и оценки необходимости легализации таких терминов, как «правовая память», «политика памяти», «историческая правда» и др., определения эффективности официальной политики памяти и ее социальные последствия в долгосрочной перспективе, установления нормативных пределов мемориального законодательства, а также постановка вопроса о концептуализации мемориального права. Очевидно, что при росте значения проблемы исторической памяти в современном публичном пространстве, внешней дипломатии России остаются слабо проработанными правовые формы реализации политики памяти и охраны мемориального наследия. При этом в юридической науке не получили должного внимания такие проблемы, как политика памяти как предмет правового регулирования; модели правового регулирования исторической политики.

В настоящем исследовании на теоретическом уровне предлагается обосновать особый межотраслевой институт национального права и международного права — мемориальное право, призванное с помощью правовых средств защитить историческую память, нейтрализовать манипуляции в рамках политики памяти.

Проблема коллективной (социальной, исторической, социально-исторической) памяти достаточно изучена в современной социогуманитарной науке¹. Сложилось целое междисциплинарное направление — memory studies, изучающее различные, в том числе юридические, аспекты коллективной памяти. Ряд авторов также используют понятие «правовая память»².

Исследованием концепции политики памяти (исторической политики, мемориальной политики) в юридическом ракурсе плодотворно занимаются как зарубежные, так и отечественные историки, антропологи, политологи и правоведы³. Они изучают особенности политики памяти не только отдельных стран (Россия, Казахстан, Украина, Эстония, Германия, Венгрия, Румыния, Франция, Польша, Куба, ЮАР, США и др.), но и целых регионов (например, Восточная и Западная Европа). Ведется также работа по уточнению термина «политика памяти» и его соотношению с близкими и смежными по значению терминами: «политика прошлого», «символическая политика», «политическое использование прошлого», «политизация истории», «историческая политика», «политика коммемораций», «мемориальная

¹ М. Хальбвакс, М. Блок, Л. Вирт, Я. Ассман, А. Ассман, Д. Лоуэнталь, Й.Х. Йерушалми, Д. Коллинз, Э. Хобсбаум, П. Рикёр, П. Нора, П. Хаттон, Ф. Артог, Х. Вельцер, А. Эткинд, Я.К. Ребане, Л.П. Репина, Ю.А. Сафронова, О.Б. Мамаева, С.В. Кодан и др.

² К. Кэмпбелл, К.У. Свонсон, Л.И. Честнов, О.Ю. Рыбаков, С.А. Готов, И.А. Алешкова, П.П. Ланг и др.

³ Е. Лёзина, Н.Е. Копосов, В.А. Шнирельман, Г.А. Бордюгов, В.М. Бухарев, И.И. Курилла, В.С. Клопихина, А.В. Грозин, Н.А. Медушевский, Е.С. Соколова, А.В. Сидоров, Д.В. Ефременко, Е.А. Бикетова, М. Бустаманте, А.В. Астров, О.Н. Борох, А.В. Ломанов, М. Миноу, Дж. Вейнтгартнер, Дж. Мейерхенрих, А.А. Гриценко, Г.В. Касьянов, А. Браточкин, Ю. Шеррер, Д. Блоксхэм, М. Русу и др.

политика», «культура памяти», «мемориальная культура», «войны памяти» и т.п.⁴ Однако недостаточно исследованными остаются такие вопросы, как эффективность официальной политики памяти и ее социальные последствия в долгосрочной перспективе. Кроме того, практически из поля зрения исследователей выпали мемориальные и иные нормативные правовые акты, в которых фиксируется официальная позиция публичной власти по тем или иным историческим событиям и выражается историческая политика. Так, известны акты Франции, которые осудили геноцид армян в Турции. В Российской Федерации принят комплекс актов, которые увековечивают подвиг защитников Родины в Великую Отечественную войну, выражают символ Победы в национальной памяти России. Следовательно, право становится средством осуществления исторической памяти, ее интерпретации и охраны.

В рамках изучения российского мемориального законодательства определенное внимание уделяется исследованию правовой охраны военно-мемориального наследия страны⁵. Однако не существует целостной и непротиворечивой концепции правовой охраны военно-мемориального наследия, что связано в том числе с отсутствием концептуального обоснования мемориального права. На данный момент, несмотря на довольно развитую во многих государствах законодательную базу, мемориальное право обычно не рассматривается как комплексная отрасль (институт) законодательства или отрасль (институт) права, хотя есть и исключения. Так, У. Белавусу рассматривает мемориальное законодательство как новый предмет сравнительного правоведения. Он также предложил термин «мнемонический конституционализм» (“mnemonic constitutionalism”)⁶.

Вопрос о возможности концептуализации мемориального права ставит также профессор Лондонского университета Эрик Хайнце. Он останавливается на двух аспектах этой проблемы: во-первых, могут ли подходы и методы правового регулирования коллективных представлений о прошлом, различающиеся в огромном диапазоне государств и исторических условий, иметь общие значимые характеристики; во-вторых, возможно ли создать общую теорию права как

инструмент упорядочивания общественного знания о прошлом?⁷

Большой вклад в исследование проблемы пересечения коллективной памяти и права внес польский исследователь М. Садовски. По его мнению, память — один из основных политических инструментов, важный фактор, влияющий как на форму позитивного права, так и на то, каким образом оно функционирует в обществе. Он подчеркивает, что, поскольку связи между правом и коллективной памятью все еще не получили широкого и всестороннего изучения, современные теоретические исследования часто фокусируются только на аспектах правосудия переходного периода в пересечении права и памяти, игнорируя другие аспекты и рассматривая правовые институты памяти как отдельные единицы, не учитывая, как их совместное изучение поможет понять более общие процессы права и памяти и упуская из виду необходимость новой концептуализации права на память⁸. Исследователь предлагает новую концепцию правовых институтов памяти (legal institutions of memory), т.е. определенных механизмов правового регулирования, с помощью которых различные государства и международные институты пытаются повлиять на социальное восприятие прошлого. М. Садовски, выделяя шесть таких механизмов, подразделяет их на мягкие (репарации материальные и символические и международные трибуналы), средние (люстрация и комиссии по установлению истины и примирению) и жесткие (правовая амнезия и законодательство о памяти) в зависимости от степени их прямого воздействия на память⁹. Он, как уже упоминалось, также ставит вопрос о необходимости концептуализации мемориального права в субъективном смысле, т.е. праве на память (the right to memory). М. Садовски предлагает рассматривать его как двоякое право, «состоящее из права на воспоминание (the right to evoking) — основанного на праве помнить (the right to remember) и быть помнимым (be remembered), и права на забвение (the right to disremembering) — образованного из права забыть (the right to forget) и быть забытым (to be forgotten), различные аспекты которого должны быть сбалансированы, особенно в современную эпоху»¹⁰.

⁷ См.: *Heinze E.* Beyond “memory laws”: Towards a Generale theory of law and historical discourse // *Forthcoming in Law and Memory: Addressing Historical Injustice by Law* / U. Belavusau, A. Gliszczynska-Grabias, eds. (Cambridge University Press), Queen Mary School of Law Legal Studies Research Paper. 2016. No. 235. Pp. 2, 3.

⁸ См.: *Sadowski M.M.* Law and Memory: Intersections. McGill University (Canada), 2023. P. 22.

⁹ См.: *ibid.* P. 30.

¹⁰ *Ibid.* P. 31.

⁴ А. И. Миллер, О. Ю. Малинова, Н. И. Алексеева, Д. Н. Нечаев, О. В. Леонова, О. Ч. Реут, Н. У. Ярычев и др.

⁵ Д. В. Аронов, А. А. Васильев, А. В. Дудченко, С. К. Жилиева, Н. В. Дмитриева, С. А. Мозговой, В. А. Рубин, В. Е. Сизов, Е. В. Спиридонова, А. Е. Ужанов и др.

⁶ См.: *Belavusau U.* Mnemonic constitutionalism and Rule of Law in Hungary and Russia // *Interdisciplinary journal of populism*. 2020. Vol. 1. Iss. 1. P. 16.

Термин «мемориальное право» должен быть, в свою очередь, подвергнут генетическому и семантическому анализу. В русскоязычной исследовательской литературе он практически не используется. Исключением из правил является один из авторов данной статьи¹¹. Другие авторы используют термины «мемориальные законы» и «мемориальное законодательство». Следует отметить, что все эти словосочетания («мемориальное право», «мемориальные законы», «мемориальное законодательство») в определенной степени — неологизмы и, к примеру, не содержатся в Национальном корпусе русского языка (<https://ruscorpora.ru/>). Можно обоснованно предположить, что «мемориальный закон» — калька с английского термина “memory law”. В свою очередь, “memory law” — скорее всего заимствование из французского языка, в котором используется словосочетание “loi mémorielle”. Считается, что впервые термин “loi mémorielle” был использован бывшей судьей и известной французской писательницей Ф. Шандернагор в статье «Страх благих намерений»¹². В своей статье она выразила опасения, что правовое регулирование памяти, преследуя благие намерения, приведет к ограничению свободы слова и научного поиска.

Следует обратить внимание, что Ф. Шандернагор использует кавычки в слове «мемориальный». Этим термином она характеризовала прежде всего два нормативных правовых акта — закон Гайсо (La loi Gayssot) и закон Тобира (La loi Taubira). Сама статья была реакцией на принятие французским парламентом 23 февраля 2005 г. т.н. Закона о колониализме (или официально — Закона о признании нации и национальном вкладе французских репатриантов), в ст. 4 которого учителям и преподавателям истории предписывалось уделять большое внимание признанию позитивной роли французского присутствия за рубежом, особенно в Северной Африке¹³.

Можно выделить два основных подхода к понятию «мемориальные законы» (memory laws) — узкий и широкий. Представители узкого подхода, чаще всего это представители других социально-гуманитарных наук, понимают под мемориальными законами преимущественно нормативные правовые акты запретительного характера.

Историк Н.Е. Копосов называет «законы памяти как таковые» «законами, криминализирующими определенные высказывания о прошлом»¹⁴. Социолог И.Б. Орлова понимает под мемориальными законами законы, «запрещающие “неправильную” интерпретацию прошлого»¹⁵. По мнению белорусской исследовательницы О.А. Матусевич, причиной создания современного мемориального законодательства является восприятие прошлого как ценности и формирования представления о том, что память о прошлом нуждается в защите. Она подчеркивает, что, говоря о «мемориальном законодательстве», чаще всего имеют в виду не законы о защите историко-культурного наследия, а нормативно-правовые акты, «направленные на криминализацию создания ревизионистских национальных нарративов или отрицания исторических событий»¹⁶.

Представители широкого подхода к понятию «мемориальные законы» не сводят его сугубо к законам запретительного характера, хотя и признают значимую роль, а в определенных случаях и критикуют данные законы с содержательной стороны. У. Белавусу и А. Глищинска-Грабиас под мемориальными законами или правовым регулированием истории понимают законы, которые закрепляют одобренные государством интерпретации ключевых исторических событий. Они, с их точки зрения, увековечивают память жертв преступлений прошлого, а также героических личностей или событий, символизирующих национальные и общественные движения¹⁷. Г.В. Касьянов под мемориальными законами понимает законодательные практики, «регулирующие способы и формы использования и репрезентации памятных дат и событий прошлого в публичном пространстве»¹⁸. Исходя из опыта 1990-х годов, исследователь выделяет два основных типа законодательных практик в сфере регулирования коллективной/

¹⁴ Koposov N. Memory Laws, Memory Wars: The Politics of the Past in Europe and Russia. Cambridge University Press, 2017. P. 6. Хотя у данного автора есть и более широкое понимание понятия мемориального закона как закона, регулирующего историческую память (см.: Копосов Н.Е. Память строгого режима. История и политика в России. М., 2011. С. 8).

¹⁵ Орлова И.Б. Историческое знание как предмет социологического анализа (феноменологический аспект) // Соц. исследования. 2017. № 9. С. 74.

¹⁶ Матусевич О.А. Мемориальное законодательство: генезис и противоречия // Труды Белорусского гос. технологического ун-та. История, философия, филология. 2014. № 5 (169). С. 116.

¹⁷ См.: Introduction: Memory Laws: Mapping a New Subject in Comparative Law and Transitional Justice // Belavusau U., Glišczyńska-Grabias A. (ed.). Law and Memory: Towards legal Governance of History. Cambridge University Press, 2017. P. 1.

¹⁸ Касьянов Г.В. Историческая политика и «мемориальные» законы в Украине: начало XXI в. // Историческая экспертиза. 2016. № 2. С. 28.

¹¹ См.: Васильев А.А., Ужанов А.Е., Печатнова Ю.В. Мемориальное право: национальные и международные аспекты // Право и управление. XXI век. 2024. Т. 19. № 4. С. 63–84.

¹² L'enfer des bonnes intentions, par Françoise Chandernagor // Le Monde.fr. 16 December 2005. URL: https://www.lemonde.fr/idees/article/2005/12/16/l-enfer-des-bonnes-intentions-par-francoise-chandernagor_722124_3232.html (accessed: 11 July 2023) (in French).

¹³ См.: Loi n° 2005-158 du 23 février 2005 portant reconnaissance de la Nation et contribution nationale en faveur des Français rapatriés. URL: <https://www.legifrance.gouv.fr/jorf/id/JORFTEXT000000444898/#JORFARTI000002059357>

исторической памяти: одни просто устанавливают некие коммеморативные практики и ритуалы, другие — вводят ограничения и устанавливают санкции за нарушения этих ограничений. Первый тип обычно предполагает наличие общественного консенсуса, второй — свидетельствует о проблемах с идентичностью и гражданской лояльностью. Стандартные формы регулирования в сфере коллективной/исторической памяти обычно сводятся к установлению неких общих правил в сфере массового исторического образования и культурных практик, ритуалов: здесь обычно ограничиваются декларациями, резолюциями, постановлениями, ведомственными актами государственных и наднациональных органов. Специальные законы в сфере коллективной/исторической памяти преимущественно относятся ко второму типу законодательных практик, предполагающих не только установление неких норм, но и санкции за их нарушение. Разработка, принятие и реализация таких законов — это, как правило, важный символический акт, презентация политической позиции некоей группы, находящейся у власти¹⁹.

А.А. и А.Ю. Дорские определяют мемориальные законы как «вид законов, которые регулируют общественные отношения, складывающиеся в процессе сохранения или преодоления памяти о конкретных исторических событиях, формируют позитивное или негативное отношение к ним и содержат диспозитивные или императивные нормы относительно возможности трактовки фактов и явлений прошлого»²⁰.

Нам в большей степени импонирует определение А.А. и А.Ю. Дорских, но, по нашему мнению, вместо термина «мемориальные законы» предпочтительнее использовать понятие «мемориальное право в объективном смысле». Последнее следует рассматривать как межотраслевой институт национального законодательства и международного права, как систему правовых норм, регулирующих имущественные и неимущественные отношения, связанные с реализацией права на память. Несомненно, еще преждевременно говорить о мемориальном праве как о самостоятельной отрасли права или, тем более, о необходимости принятия мемориального кодекса (скорее всего она никогда и не возникнет).

Для оценки современного состояния мемориального права можно воспользоваться моделью образования самостоятельной отрасли права, предложенной А.А. Головиной, представляющей собой

совокупность семи отдельных этапов, которые проходит отрасль права в своем становлении. Только после реализации всех этих этапов можно говорить о существовании самостоятельной отрасли права²¹. Отметим только, что, на наш взгляд, данные этапы или критерии не имеют жестко детерминированную последовательность, могут развиваться параллельно, даже влияя на степень сформированности друг друга. Теперь проанализируем все эти критерии (этапы) по предлагаемому исследователем порядку применительно к мемориальному праву.

К *первому этапу* относится такой классический для отечественной правовой теории критерий, как формирование новой сферы общественных отношений либо интенсификация развития уже имеющейся сферы (формирование самостоятельного предмета правового регулирования). Применительно к мемориальному праву такой сферой можно считать общественные отношения, связанные с реализацией права на память и охраной исторической памяти. Предмет правового регулирования мемориального права как комплексной отрасли законодательства находится на пересечении публичных и частных отраслей права. Например, ряд авторов выделяют в качестве института конституционного права институт охраны исторической памяти, включающий в себя три уровня: 1) создание и закрепление государственной мемориальной концепции (национального образа истории); 2) сохранение исторического наследия; 3) защита исторической памяти от посягательств и искажения²².

Вторым этапом является принятие новых нормативных правовых актов, необходимость чего закономерно вызывается формированием указанного самостоятельного предмета правового регулирования, т.е. формирование самостоятельной отрасли законодательства. Как уже указывалось, нигде в мире нет мемориального кодекса. Однако в российской правовой системе существует достаточно много нормативных правовых актов, напрямую имеющих отношение к мемориальному праву:

Конституция Российской Федерации

В Преамбуле Конституции РФ содержатся краткие формулировки, обращенные к отечественной истории: «сохраняя исторически сложившееся государственное единство», «чтя память предков, передавших нам любовь и уважение к Отечеству, веру в добро и справедливость», «возрождая суверенную

²¹ См.: Головина А.А. Критерии образования самостоятельных отраслей в системе российского права: автореф. дис. ... канд. юрид. наук. М., 2012.

²² См.: Куликова С.А., Киринос И.Д. Охрана исторической памяти как институт конституционного права: российский и зарубежный опыт // Известия Саратовского ун-та. Новая серия. Сер.: Экономика. Управление. Право. 2022. Т. 22. № 1. С. 67.

¹⁹ См.: Касьянов Г.В. Указ. соч. С. 29.

²⁰ Дорская А.А., Дорский А.Ю. Мемориальные законы как инструмент легитимации власти // Вестник СПбУ. Право. 2020. Т. 11. № 1. С. 225.

государственность России»²³. Кроме того, ч. 3 ст. 44 Конституции РФ устанавливает обязанность каждого заботиться о сохранении исторического и культурного наследия, беречь памятники истории и культуры. Особенное значение также имеет ст. 67¹, постулирующая, что Российская Федерация, являющаяся правопреемником СССР и объединенная тысячелетней историей, сохраняя память предков, передавших нам идеалы и веру в Бога, а также преемственность в развитии Российского государства, признает исторически сложившееся государственное единство; чтит память защитников Отечества, обеспечивает защиту исторической правды;

Федеральный закон от 13 марта 1995 г. № 32-ФЗ «О днях воинской славы и памятных датах России»²⁴;

Федеральный закон от 25 июня 2002 г. № 73-ФЗ «Об объектах культурного наследия (памятниках истории и культуры) народов Российской Федерации»²⁵;

Закон РФ от 9 октября 1992 г. № 3612-1 «Основы законодательства Российской Федерации о культуре»²⁶;

Федеральный закон от 19 мая 1995 г. № 80-ФЗ «Об увековечении Победы советского народа в Великой Отечественной войне 1941–1945 годов»²⁷;

Федеральный закон от 29 декабря 2022 г. № 579-ФЗ «О Георгиевской ленте и внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации»²⁸.

В настоящее время приняты следующие значимые подзаконные акты, имеющие отношение к мемориальному праву:

Указ Президента РФ от 8 мая 2024 г. № 314 «Об утверждении Основ государственной политики Российской Федерации в области исторического просвещения»²⁹;

Указ Президента РФ от 20 февраля 1995 г. № 176 «Об утверждении Перечня объектов исторического и культурного наследия федерального (общероссийского) значения»³⁰; и др.

Третий этап — особенности регулируемых общественных отношений рождают потребность

в использовании особых, наиболее эффективных именно для них методов правового регулирования.

Для мемориального права, как и для многих других комплексных отраслей законодательства, характерно сочетание частных и публичных аспектов, диспозитивного и императивного методов правового регулирования, если исходить из того круга отношений, на которые воздействуют нормы права. Возьмем для примера правовое регулирование общественных отношений, связанных с понятием и охраной исторической правды. Так, с одной стороны, охрана исторической памяти, регулируемая ст. 67¹ Конституции РФ и, например, ч. 3 ст. 354¹ УК РФ, требует императивных начал регулирования. С другой стороны, отсутствует правовая дефиниция понятия «историческая правда», и существует определенный риск злоупотребления использованием данного понятия в правотворческой и правоприменительной деятельности: «Ключевой проблемой на этом пути является неопределенность самого понятия исторической правды. В отсутствие ее решения поставленные задачи рискуют в лучшем случае остаться декларациями, а в худшем — превратиться в оправдание для нормотворчества, никакого содержательного отношения к их решению не имеющего»³¹. Многозначность понятия «историческая правда», его определенная промежуточность между понятиями «историческая истина» и «историческая память»³² потенциально содержит опасность вмешательства в научную деятельность. В сфере же научного творчества, в том числе и исторического познания как такового, могут применяться исключительно диспозитивный метод и принцип «дозволено все, что не запрещено». Сама природа научной деятельности как интеллектуальной деятельности не может стать предметом для императивного правового регулирования.

Следовательно, поскольку мемориальное право не имеет собственного метода правового регулирования, и при наличии предмета правового регулирования, тяготеющего к различным отраслям права (конституционного, уголовного, административного, гражданского и др.), и крупного массива законодательства можно речь вести только об особой отрасли российского законодательства или в контексте концепции комплексных отраслей права (С.С. Алексеев) ставить вопрос о существовании научного права как комплексной отрасли российского права.

В качестве следующих этапов А.А. Головина выделяет (4) *развитие и упрочнение системных связей между группой норм права* и, как следствие, выделение метанорм (правовые определения, принципы права),

²³ См.: СЗ РФ. 2014. № 31, ст. 4398; 2020. № 11, ст. 1416.

²⁴ См.: СЗ РФ. 1995. № 11, ст. 943.

²⁵ См.: СЗ РФ. 2002. № 26, ст. 2519.

²⁶ См.: Ведомости СНД и ВС РФ. 1992. № 46, ст. 2615.

²⁷ См.: СЗ РФ. 1995. № 21, ст. 1928.

²⁸ См.: СЗ РФ. 2023. № 1 (ч. I), ст. 26.

²⁹ См.: СЗ РФ. 2024. № 20, ст. 2587.

³⁰ См.: СЗ РФ. 1995. № 9, ст. 734.

³¹ Москалев Г.Л. Охрана исторической правды: новая задача российского права // Журнал Сибирского федерального университета. Гуманитарные науки. 2022. Т. 15. № 8. С. 1072, 1073.

³² Там же. С. 1075, 1076.

общей части, внутренней иерархической структуры отрасли (институтов права, подынститутов права), а затем (5) в результате накопления указанных выше изменений происходит диалектический скачок, переход количественных изменений в качественные — *дивергенция* (расхождение, размежевание) *системных связей «дочерней» отрасли права с «материнской»*, т.е. собственно формирование самостоятельной отрасли права. Если элементы трех первых этапов применительно к мемориальному праву можно еще обнаружить, то до наступления этих последних ему еще очень далеко. К примеру, как уже упоминалось ранее, отсутствуют не только легальные, но даже устоявшиеся доктринальные определения таких понятий, как «историческая правда», «историческая память», «правовая память», «право на память», «право на забвение» и т.д.

Далее А.А. Головина выделяет два этапа, которые условно обозначает как «пост-системные»: (6) *формирование самостоятельной отрасли науки и учебной дисциплины* и (7) *концептуализация идеи о самостоятельном характере данной отрасли права в правовой науке*. На наш взгляд, если исключить речь о самостоятельности, то применительно к мемориальному праву как складывающемуся институту уже назрела потребность в его научном осмыслении и концептуализации, что может в дальнейшем привести к появлению междисциплинарной науки мемориального права и далее — учебной дисциплины.

По поводу необходимости мемориального законодательства и его пределов в научной среде нет единой позиции. Во многом это зависит от политических и идеологических предпочтений того или иного автора. Одни авторы по большей части отрицательно относятся к любому мемориальному законодательству, считая, что оно ограничивает свободу слова и посягает на свободу научного творчества, навязывает единственно верную официальную версию исторических событий, используется для навязывания ограничительных представлений о национальной идентичности³³. П. Нора, критикуя прежде всего французских законодателей, полагает, что принятие мемориальных законов «под покровом благородных устремлений» ведет к «всеобщей криминализации прошлого»³⁴.

³³ См., напр.: Нора П. Расстройство исторической идентичности // Вестник Российской нации. 2010. № 1–2. С. 181–188; Копосов Н.Е. Память в законе. URL: <http://www.russ.ru/Mirovaayarovestka/Pamyat-v-zakone>; Курилла И.И. Битва за прошлое. Как политика меняет историю. М., 2022. С. 164–168; Мамусевич О.А. Указ. соч. С. 116–118; Орлова И.Б. Указ. соч. С. 66–77; Головашина О.В. Поле Битвы — Память: мемориальное законодательство на постсоветском пространстве // Право: история и современность. 2021. № 2 (15). С. 19–28; Golsan R.J. French memory and the wages of guilt // European Journal of Political Theory. 2011. Vol. 10. No. 4. Pp. 490–500; Flaig E. Memorial gesetze und historisches Unrecht. Wie Gedächtnis politik die historische Wissensschäft bedroht // Historische Zeitschrift. 2016. B. 302. No. 2. S. 297–339.

³⁴ Нора П. Указ. соч. С. 181.

Испанский исследователь Дж. Ресина также считает, что законодательное закрепление памяти является позитивизированным выражением цензуры: «Что-то должно быть запомнено, чтобы что-то другое могло выпасть из памяти. Это апория: либо закон памяти является чисто формальным и нейтральным по отношению к содержанию, и в этом случае он бессилён, либо он связан с определением содержания и, таким образом, с его исключением»³⁵.

Другие исследователи в той или иной степени признают необходимость мемориального законодательства³⁶. Например, ряд авторов делят мемориальное законодательство по направленности на политическое примирение с последующим обеспечением защиты прав меньшинств или на политическую конфронтацию с последующим отрицанием легитимности несогласных³⁷. Соответственно, первую разновидность мемориального законодательства они одобряют, а ко второй относятся отрицательно. Своеобразную позицию занимает В.Г. Бондарев, считающий, что проблемы оценки того или иного исторического события и процесса должны решаться не на законодательном уровне, а на референдуме путем электронного голосования³⁸.

В целом сложно выделить какие-либо определенные модели правового регулирования коллективной памяти в современном мире. В большинстве стран мира существует сравнительно долгая традиция правового регулирования охраны и использования памятников истории и культуры³⁹. Характер официаль-

³⁵ Resina J.R. The Ghost in the Constitution: Historical Memory and Denial in Spanish Society. Oxford University Press, 2017. Vol. 15. Pp. 42, 43.

³⁶ См., напр.: Дорская А.А., Дорский А.Ю. Указ. соч. С. 223–238; Campbell K. The laws of memory: the ICTY, the archive, and transitional justice // Social & Legal Studies. 2013. Vol. 22. No. 2. Pp. 247–269; Цылакова Е.П. Историческая память как фактор формирования образа будущего России: возможные правовые мероприятия // Юридические формы переживания истории: практики и пределы. СПб., 2020. С. 126–130; Алексеева Н.И. К вопросу о соотношении понятий «политика памяти» и «историческая политика» в контексте проблемы эффективности правового регулирования // Там же. С. 68; Скоробогатов А.В., Скоробогатова А.И. Мемориальное законодательство как средство конструирования российской гражданской идентичности // Глобальный конфликт и контуры нового мирового порядка: XX Международные Лихачевские научные чтения 9–10 июня 2022 года / науч. ред.: А.С. Запесоцкий, Е.А. Ильинская, Г.Ф. Фейгин и др.; отв. ред. З.Н. Киселева. СПб., 2022. С. 446–448.

³⁷ См., напр.: Introduction: Memory Laws: Mapping a New Subject in Comparative Law and Transitional Justice // Belavusau U., Gliszczynska-Grabias A. (ed.). Law and Memory: Towards legal Governance of History. Cambridge University Press, 2017. P. 3.

³⁸ См.: Бондарев В.Г. Историческая память как предмет конфликта между правом и идеологией // Юридические формы переживания истории: практики и пределы. С. 63.

³⁹ См.: Правовая охрана памятников истории и культуры в зарубежных странах: сб. науч. тр. М., 2005.

ной политики памяти и мемориального права зависит от особенностей политической и правовой культуры той или иной страны. Мемориальное право ряда стран включает в себя правовую охрану не только памятников, но и запрет на дискредитацию и отрицание значимых для данных государств исторических событий (Россия, Беларусь, Украина, Польша и др.).

* * *

Таким образом, устойчивая тенденция юридикализации и идеологизации памяти вызывает необходимость в концептуализации мемориального права как особого межотраслевого института национального и международного права, т.е. систему правовых норм, регулирующих общественные отношения, связанные с реализацией права на память и охраной исторической памяти. По поводу необходимости мемориального законодательства и его пределов в научной среде нет единой позиции. Критически исследователи преимущественно относятся к мемориальным нормам запрещающего характера, видя в них ограничения для свободы слова и научного поиска.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. *Алексеева Н.И.* К вопросу о соотношении понятий «политика памяти» и «историческая политика» в контексте проблемы эффективности правового регулирования // Юридические формы переживания истории: практики и пределы. СПб., 2020. С. 68.
2. *Бондарев В.Г.* Историческая память как предмет конфликта между правом и идеологией // Юридические формы переживания истории: практики и пределы. СПб., 2020. С. 63.
3. *Васильев А.А., Ужанов А.Е., Печатнова Ю.В.* Мемориальное право: национальные и международные аспекты // Право и управление. XXI век. 2024. Т. 19. № 4. С. 63–84.
4. *Головашина О.В.* Поле Битвы – Память: мемориальное законодательство на постсоветском пространстве // Право: история и современность. 2021. № 2 (15). С. 19–28.
5. *Головина А.А.* Критерии образования самостоятельных отраслей в системе российского права: автореф. дис. ... канд. юрид. наук. М., 2012.
6. *Дорская А.А., Дорский А.Ю.* Мемориальные законы как инструмент легитимации власти // Вестник СПбУ. Право. 2020. Т. 11. № 1. С. 223–228.
7. *Касьянов Г.В.* Историческая политика и «мемориальные» законы в Украине: начало XXI в // Историческая экспертиза. 2016. № 2. С. 28, 29.
8. *Копосов Н.Е.* Память в законе. URL: <http://www.russ.ru/Mirovaya-povestka/Pamyat-v-zakone>
9. *Копосов Н.Е.* Память строгого режима. История и политика в России. М., 2011. С. 8.
10. *Куликова С.А., Кириосов И.Д.* Охрана исторической памяти как институт конституционного права: российский и зарубежный опыт // Известия Саратовского ун-та. Новая серия. Сер.: Экономика. Управление. Право. 2022. Т. 22. № 1. С. 67.
11. *Курилла И.И.* Битва за прошлое. Как политика меняет историю. М., 2022. С. 164–168.
12. *Матусевич О.А.* Мемориальное законодательство: генезис и противоречия // Труды Белорусского гос. технологического ун-та. История, философия, филология. 2014. № 5 (169). С. 116–118.
13. *Москалев Г.Л.* Охрана исторической правды: новая задача российского права // Журнал Сибирского федерального ун-та. Гуманитарные науки. 2022. Т. 15. № 8. С. 1072, 1073, 1075, 1076.
14. *Нора П.* Расстройство исторической идентичности // Вестник Российской нации. 2010. № 1–2. С. 181–188.
15. *Орлова И.Б.* Историческое знание как предмет социологического анализа (феноменологический аспект) // Соц. исследования. 2017. № 9. С. 66–77.
16. *Правовая охрана памятников истории и культуры в зарубежных странах: сб. науч. тр.* М., 2005.
17. *Скоробогатов А.В., Скоробогатова А.И.* Мемориальное законодательство как средство конструирования российской гражданской идентичности // Глобальный конфликт и контуры нового мирового порядка: XX Международные Лихачевские научные чтения 9–10 июня 2022 года / науч. ред.: А.С. Запесоцкий, Е.А. Ильинская, Г.Ф. Фейгин и др.; отв. ред. З.Н. Киселева. СПб., 2022. С. 446–448.
18. *Цыплакова Е.П.* Историческая память как фактор формирования образа будущего России: возможные правовые мероприятия // Юридические формы переживания истории: практики и пределы. СПб., 2020. С. 126–130.
19. *Belavusau U.* Mnemonic constitutionalism and Rule of Law in Hungary and Russia // Interdisciplinary journal of populism. 2020. Vol. 1. Iss. 1. P. 16.
20. *Campbell K.* The laws of memory: the ICTY, the archive, and transitional justice // Social & Legal Studies. 2013. Vol. 22. No. 2. Pp. 247–269.
21. *Flaig E.* Memorial gesetz und historisches Unrecht. Wie Gedächtnis politik die historische Wissenschaft bedroht // Historische Zeitschrift. 2016. B. 302. No. 2. S. 297–339.
22. *Golsan R.J.* French memory and the wages of guilt // European Journal of Political Theory. 2011. Vol. 10. No. 4. Pp. 490–500.
23. *Heinze E.* Beyond “memory laws”: Towards a Generale theory of law and historical discourse // Forthcoming in Law and Memory: Addressing Historical Injustice by Law / U. Belavusau, A. Gliszczyńska-Grabias, eds. (Cambridge University Press), Queen Mary School of Law Legal Studies Research Paper. 2016. No. 235. Pp. 2, 3.
24. *Introduction: Memory Laws: Mapping a New Subject in Comparative Law and Transitional Justice // Belavusau U., Gliszczyńska-Grabias A. (ed.) Law and Memory: Towards legal Governance of History.* Cambridge University Press, 2017. P. 1, 3.
25. *Koposov N.* Memory Laws, Memory Wars: The Politics of the Past in Europe and Russia. Cambridge University Press, 2017. P. 6.
26. *L'enfer des bonnes intentions, par Françoise Chandernagor // Le Monde.fr.* 16 December 2005. URL: <https://www.lemonde.fr/idees/article/2005/12/16/l-enfer-des-bonnes-intentions>

- bonnes-intentions-par-francoise-chandernagor_722124_3232.html (accessed: 11 July 2023) (in French).
27. *Resina J.R.* The Ghost in the Constitution: Historical Memory and Denial in Spanish Society. Oxford University Press, 2017. Vol. 15. Pp. 42, 43.
 28. *Sadowski M.M.* Law and Memory: Intersections. McGill University (Canada), 2023. P. 22, 30, 31.
- ## REFERENCES
1. *Alekseeva N.I.* On the question of the relationship between the concepts of “memory politics” and “historical politics” in the context of the problem of the effectiveness of legal regulation // Legal forms of experiencing history: practices and limits. SPb., 2020. P. 68 (in Russ.).
 2. *Bondarev V.G.* Historical memory as a subject of conflict between law and ideology // Legal forms of experiencing history: practices and limits. SPb., 2020. P. 63 (in Russ.).
 3. *Vasiliev A.A., Uzhanov A.E., Pechatnova Yu. V.* Memorial Law: national and international aspects // Law and management. XXI century. 2024. Vol. 19. No. 4. Pp. 63–84 (in Russ.).
 4. *Golovashina O.V.* Battleground – Memory: memorial legislation in the post-Soviet space // Law: history and modernity. 2021. No. 2 (15). Pp. 19–28 (in Russ.).
 5. *Golovina A.A.* Criteria for the formation of independent branches in the system of Russian law: abstract ... PhD in Law. M., 2012 (in Russ.).
 6. *Dorskaya A.A., Dorsky A. Yu.* Memorial laws as an instrument of legitimization of power // Herald of the SPbU. Law. 2020. Vol. 11. No. 1. Pp. 223–228 (in Russ.).
 7. *Kasyanov G.V.* Historical policy and “memorial” laws in Ukraine: the beginning of the XXI century // Historical expertise. 2016. No. 2. Pp. 28, 29 (in Russ.).
 8. *Koposov N.E.* Memory in law. URL: <http://www.russ.ru/Mirovaya-povestka/Pamyat-v-zakone> (in Russ.).
 9. *Koposov N.E.* Strict regime memory. History and politics in Russia. M., 2011. Pp. 8–10 (in Russ.).
 10. *Kulikova S.A., Kirnosov I.D.* Protection of historical memory as an institution of Constitutional Law: Russian and foreign experience // Izvestia of the Saratov University. New series. Series: Economics. Management. Law. 2022. Vol. 22. No. 1. P. 67 (in Russ.).
 11. *Kurilla I.I.* Battle for the past. How politics changes history. M., 2022. Pp. 164–168 (in Russ.).
 12. *Matusevich O.A.* Memorial legislation: genesis and contradictions // Proceedings of the Belarusian State Technological University. History, philosophy, philology. 2014. No. 5 (169). Pp. 116–118 (in Russ.).
 13. *Moskalev G.L.* Protection of historical truth: a new task of Russian law // Journal of the Siberian Federal University. Humanities. 2022. Vol. 15. No. 8. Pp. 1072, 1073, 1075, 1076 (in Russ.).
 14. *Nora P.* The disorder of historical identity // Herald of the Russian Nation. 2010. No. 1–2. Pp. 181–188 (in Russ.).
 15. *Orlova I.B.* Historical knowledge as a subject of sociological analysis (phenomenological aspect) // Social research. 2017. No. 9. Pp. 66–77 (in Russ.).
 16. Legal protection of historical and cultural monuments in foreign countries: collection of scientific works. M., 2005 (in Russ.).
 17. *Skorobogatov A.V., Skorobogatova A.I.* Memorial legislation as a means of constructing Russian civil identity // Global conflict and contours of the new world order: XX International Likhachev scientific readings on June 9–10, 2022 / scientific ed.: A.S. Zapesotsky, E.A. Ilyinskaya, G.F. Feigin et al.; res. ed. Z.N. Kiselyova. SPb., 2022. Pp. 446–448 (in Russ.).
 18. *Tsyplakova E.P.* Historical memory as a factor in shaping the image of the future of Russia: possible legal measures // Legal forms of experiencing history: practices and limits. SPb., 2020. Pp. 126–130 (in Russ.).
 19. *Belavusau U.* Mnemonic constitutionalism and Rule of Law in Hungary and Russia // Interdisciplinary journal of populism. 2020. Vol. 1. Iss. 1. P. 16.
 20. *Campbell K.* The laws of memory: the ICTY, the archive, and transitional justice // Social & Legal Studies. 2013. Vol. 22. No. 2. Pp. 247–269.
 21. *Flaig E.* Memorial gesetze und historisches Unrecht. Wie Gedächtnis politik die historische Wissenschaft bedroht // Historische Zeitschrift. 2016. B. 302. No. 2. S. 297–339.
 22. *Golsan R.J.* French memory and the wages of guilt // European Journal of Political Theory. 2011. Vol. 10. No. 4. Pp. 490–500.
 23. *Heinze E.* Beyond “memory laws”: Towards a Generale theory of law and historical discourse // Forthcoming in Law and Memory: Addressing Historical Injustice by Law / U. Belavusau, A. Gliszczyńska-Grabias, eds. (Cambridge University Press), Queen Mary School of Law Legal Studies Research Paper. 2016. No. 235. Pp. 2, 3.
 24. Introduction: Memory Laws: Mapping a New Subject in Comparative Law and Transitional Justice // *Belavusau U., Gliszczyńska-Grabias A. (ed.).* Law and Memory: Towards legal Governance of History. Cambridge University Press, 2017. Pp. 1, 3.
 25. *Koposov N.* Memory Laws, Memory Wars: The Politics of the Past in Europe and Russia. Cambridge University Press, 2017. P. 6.
 26. L'enfer des bonnes intentions, par Françoise Chandernagor // Le Monde.fr. 16 December 2005. URL: https://www.lemonde.fr/idees/article/2005/12/16/l-enfer-des-bonnes-intentions-par-francoise-chandernagor_722124_3232.html (accessed: 11 July 2023) (in French).
 27. *Resina J.R.* The Ghost in the Constitution: Historical Memory and Denial in Spanish Society. Oxford University Press, 2017. Vol. 15. Pp. 42, 43.
 28. *Sadowski M.M.* Law and Memory: Intersections. McGill University (Canada), 2023. Pp. 22, 30, 31.

Сведения об авторах

ВАСИЛЬЕВ Антон Александрович — доктор юридических наук, доцент, заведующий кафедрой теории и истории государства и права юридического факультета Алтайского государственного университета; 656049 г. Барнаул, пр. Социалистический, д. 68

КРОТКОВА Наталья Викторовна — кандидат юридических наук, ведущий научный сотрудник сектора конституционного права и конституционной юстиции Института государства и права Российской академии наук, заместитель главного редактора журнала «Государство и право» РАН; 119019 г. Москва, ул. Знаменка, д. 10
ORCID: 0000-0003-2853-1287

ЗЕЛЕНИН Юрий Александрович — кандидат исторических наук, доцент кафедры теории и истории государства и права юридического факультета Алтайского государственного университета; 656049 г. Барнаул, пр. Социалистический, д. 68

Authors' information

VASILIEV Anton A. — Doctor of Law, Associate Professor, Head of the Department of Theory and History of State and Law of the Faculty of Law Altai State University; 68 Sotsialistichesky Ave., 656049 Barnaul, Russia

KROTKOVA Natalya V. — PhD in Law, Leading Researcher, Constitutional Law and Constitutional Justice Sector, Institute of State and Law of the Russian Academy of Sciences, Vice-Editor-in-Chief of the Journal "State and Law" of the Russian Academy of Sciences; 10 Znamenka str., 119019 Moscow, Russia

ZELENIN Yuri A. — Candidate of Historical Sciences, Associate Professor of the Department of Theory and History of State and Law of the Faculty of Law, Altai State University; 68 Sotsialistichesky Ave., 656049 Barnaul, Russia